

УДК 303.446.23

Особенности славянского и европейского национального характера в «Письме о Киеве» О. де Бальзака: материалы к изучению новой школьной образовательной дисциплины «Россия в мире»

Алексей Романович Ощепков

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, РОССИЯ

e-mail: ale78487000@yandex.ru

В статье представлены методические рекомендации по изучению в рамках дисциплины «Россия в мире» особенностей формирования образа России на примере творчества одного из самых известных французских реалистов XIX века О. де Бальзака. В малоизвестном сочинении «Письмо о Киеве» писатель анализирует, что объединяет славянские и европейские народы и какими специфическими ментальными чертами они отличаются.

Ключевые слова: дисциплина «Россия в мире», методические рекомендации, образ России, национальный характер, славяне и европейцы, концепция титанизма, русское «варварство».

Постановка проблемы. В соответствии с ФГОС, утверждённым приказом Министерства образования и науки РФ от 17 апреля 2012 г. № 413, и новым законом об образовании РФ в настоящее время в рамках эксперимента для учащихся старшей школы вводится новый курс, который не должен повторять историю, литературу и другие предметы. Так как учебников по предмету «Россия в мире» ещё нет, предполагается творческая активность самих преподавателей. На сегодняшний день разработано немало курсов, многие из них интересны и создают мотивацию для выбора их учащимися. Однако этот предмет вызывает много вопросов, главные из которых касаются его функциональных

целей и задач, практической значимости.

Чем дисциплина «Россия в мире» может и должна быть полезна старшеклассникам? Школьники, учителя (и родители), как правило, ориентированы на ближнюю перспективу. Их интересует, поможет ли курс сдать экзамены, обеспечит ли решение проблемы преемственности образования.

Предлагаемый курс, на наш взгляд, будет полезен школьникам старших классов (как, впрочем, и студентам) тем, что у них значительно возрастут исторические, юридические, политологические и литературные компетенции, связанные с дальнейшим получением вузовского образования. В то же время не стоит рассчитывать на то, что за короткий срок курс «Россия в мире» даст мгновенный результат, его подлинные педагогические цели могут быть рассчитаны только на длительную перспективу, на создание условий для саморазвития личности, обладающей высокой нравственностью. Данная дисциплина носит междисциплинарный характер и сможет помочь молодым людям лучше ориентироваться в современном поликультурном пространстве, расширить представления об истории, обществознании, мировой художественной культуре, истории религий, географии и т.д.; развить в них прежде всего этические, эстетические и патриотические качества. Данный курс

создаёт условия для творческой и проектной деятельности с последующей презентацией результатов. Главными результатами обучения должны стать самоидентификация, приобретение широкого социального опыта, гармоничность отношений с собой и обществом.

В рамках указанной дисциплины мы предлагаем на французском материале систему лекционных и практических занятий, которые позволяют проследить, как складывался образ России в одном из сегментов литературного сознания Франции, что в дальнейшем позволит лучше понять сложный, противоречивый процесс взаимодействия литературного и общественного сознания.

Цель статьи заключается в разработке теоретического и методического материала, позволяющего учителю новой школьной образовательной дисциплины «Россия в мире» на материале малоизвестного «Письма о Киеве» О. де Бальзака показать школьникам, как образ России, создаваемый в литературе, становится частью расхожих представлений о нашей стране в общественном сознании Запада и как «русские стереотипы» общественного сознания проецировались в литературу.

В бальзаковских романах встречаются некоторые славянские образы и мотивы, навеянные знакомством с Э. Ганской и посещением Украины и России. Образ Теодоры в «Шагреновой коже» появился вследствие пребывания у нас знаменитого француза. Отец Горио из одноимённого романа перед смертью мечтает уехать в Российскую империю, чтобы сколотить состояние: «О, я опять займусь торговлей. Поеду в Одессу за зерном. Там пшеница в три раза дешевле, чем у нас. <...> На крахмале можно будет делать великолепные дела...» [2, с. 115]. В «Кухне Бетте» (1846) встречается такой пассаж: «В натуре славянина есть нечто детское, как у всех первобытных народов, которые скорее вторглись в круг цивилизованных наций, нежели действительно цивилизовались. Раса эта распространилась, подобно наводнению, и заселила огромную часть поверхности земного шара. В необозримых пустынных просторах ей живётся привольно; там нет скученности, как в Европе, а цивилизация становится невозможной, когда нет постоянного соприкосновения умов и интересов. Украина, Россия, равнины Дуная — короче говоря, народ славянский является звеном, связующим Европу и Азию, цивилизацию и варварство» [1, с. 112–213].

«Письмо о Киеве» Бальзак начал писать в 1843–1844 гг., затем продолжил во время своего пребывания в России в 1847 г., но так и не за-

вершил. Впервые оно было опубликовано в 1927 г. Очерк предназначался для публикации во влиятельной парижской газете «Журналь де Деба» и был написан в форме письма её тогдашнему директору Арману Бертену. В период Июльской монархии «Журналь де Деба» была враждебно настроена по отношению к николаевской России. Возможно, Бальзак хотел изменить или хотя бы скорректировать позицию Бертена и руководимого им издания по отношению к нашей стране.

Э. Ганской Бальзак признавался, что он старался писать «ни за, ни против России» [5, с. 357]. Он так сформулировал свою позицию «золотой середины» по отношению к России: «Я убеждён, что между шутками «Шаривари» и «Корсара» и прочих наших листков относительно северного колосса, самодержавия, кнута и льстивыми похвалами, которыми энциклопедисты, Гримм и Вольтер осыпали Екатерину II, существует золотая середина. Россию никогда ещё никто не ценил так, как должно: артиллерия мысли подвергала её обстрелу, её позорили и поносили, однако она, точно неуязвимый медведь, невзирая ни на что, движется вперёд. Между тем в интересах Европы рассмотреть Россию более пристально...» [3, с. 3].

Это не значит, что Бальзак был не критичен по отношению к Российской империи, однако он стремится не обличить и заклеймить её, как это сделал А. де Кюстин в «России в 1839 году», но лучше понять. Такая установка объясняет иронию Бальзака по отношению к своим соотечественникам, находящимся в плену мифов о французском превосходстве и славянском «варварстве». «Француз — существо исключительное (ибо для чего же наделён он острым умом, как не для того, чтобы быть исключительным и считать всё нефранцузское варварским), поэтому подавляющее большинство французов не знает, что такое Киев...», — пишет Бальзак [3, с. 4].

Французский реалист также не был совершенно свободен от стереотипов и мифов о России. Показательно, что он сочетает в пределах одной фразы ироничное упоминание тех гетероимиджей, с которыми ассоциировалась Россия в сознании европейцев и которые кочевали из сочинения в сочинение западных литераторов о нашей стране («северный колосс», «кнут», «самодержавие») с метафорой России-медведя.

Отношение Бальзака к России неоднозначно, двойственно. С одной стороны, Россия вызывает у него восхищение, с другой — опаску. Он с одобрением относится к сильной императорской власти, но одновременно видит в

России угрозу Европе. Он пишет, что одна из задач его «Письма о Киеве» — «предупредить читателей: „Берегитесь!“» [3, с. 3]. Он намекает на некий скрытый смысл своего письма. «Я не могу и не хочу говорить всю правду, однако во всём, что я говорю здесь походя, шутки ради, нет ни слова лжи» [3, с. 3]. Какую правду скрывал Бальзак? Почему он не мог и не хотел сказать всю правду о России? Какой была эта «вся правда»?

Сдержанность Бальзака могла быть продиктована необходимостью ездить в Россию к своей возлюбленной, а значит не портить отношения с российскими властями. Пример Кюстина стоял перед глазами Бальзака. Однако эту гипотезу опровергает переписка Бальзака с Э. Ганской. В письмах Ганской Бальзак ещё откровеннее, чем в «Письме о Киеве», выражает свои симпатии к России и своё критическое отношение к ситуации во Франции. Вот несколько весьма характерных примеров: в письме к Ганской от 28 июля 1848 г. Бальзак рассказывает об обеде у Ротшильдов, на котором в присутствии именитых и влиятельных особ (в частности, Тьера) он высказал своё мнение о России: «Я высказался со всей убеждённостью, что я уверен в величии России и что Кюстин рассматривал колосса глазами какой-нибудь газетёнки.... Что касается меня, то я считаю Россию преемницей Римской империи» [5, с. 470]. В другом письме он заявляет о себе как о последовательном стороннике франко-российского альянса. Известно, что Бальзак был убеждённым легитимистом, и это, конечно, многое объясняет в той положительной оценке, которую писатель даёт российскому самодержавию. Бальзак не без иронии писал в «Письме о Киеве» о конституционной монархии Луи-Филиппа, которая построена на власти и влиянии депутатов парламента и журналистов. «Мы во Франции претерпеваем все неудобства, какими чревата система чинов, не имея, однако же, тех вознаграждений, какими богата система самодержавная. В самом деле, министров у нас избирают исключительно из числа пэров или депутатов. <...> Людовик XIV мог брать таланты там, где их находил; нынешней власти это не позволено» [3, с. 17–18].

Россия для Бальзака — бастион монархизма, а значит стабильности и порядка. Титанизм — ещё один значительный пункт бальзаковской эстетики. Для писателя красиво всё, что отмечено страстью, силой, волей, энергией. Герои Бальзака — Вотрен, Феррагюс, Растиньяк, Горио — поднимаются над окружением именно как носители сильной страсти или мощной воли. Этот

бальзаковский титанизм многое объясняет в отношении писателя к России. Бальзака пленяет мощь и сплочённость Российской империи, основанная на любви народа к императору и покорности власти, столь контрастирующая с относительной слабостью и борьбой политических сил в постнаполеоновской Франции.

Сюжет «Письма о Киеве» конструируется из эпизодов, рассказывающих о преодолении рассказчиком многочисленных препятствий на пути к предмету своей страсти. Рассказчик повествует о том, как ему приходилось сносить хамство и поборы австрийских чиновников, пережить путаницу с багажом, выносить задержки на станциях, терпеть нетерпеливость немецких кучеров и бюрократическую исполнительность российского полицмейстера, отказавшегося выдать ему подорожную из-за отсутствия печатных бланков. Русским и французам, которых, по мнению Бальзака, роднит живость, энергия и даже страстность, писатель противопоставляет немцев. В письме к Э. Ганской Бальзак признавался: «Я не люблю Австрии, вы это знаете. Как же глуп немецкий народ! И как он алчен! Он хочет заполучить Италию! Он желает заполучить Данию! А какой он редкостный лицемер! О, я всегда верно судил о нём. Он испытывает непреходящую ненависть к Франции и России, и я, действительно, весьма сожалею, что теперь нами управляет эта глупая республика, ибо никогда ещё не было более благоприятных условий, чем сейчас, для альянса между Россией и Францией» [5, с. 494].

Вообще необходимо подчеркнуть, что объёмность образу России в «Письме о Киеве» придаёт фон, постоянное соотношение России с другими странами. Мысль Бальзака блуждает в треугольнике: Франция — Германия — Россия. На периферии этого треугольника — Польша. ИмPLICITно французский дух воплощён в фигуре рассказчика, вопреки уговорам друзей ринувшегося в чужую страну, преодолевающего огромные расстояния, дабы встретиться с предметом своей страсти. Неслучайно в уста немецкого кучера Бальзак вложил фразу: «Можешь отвезти этого господина, он настоящий француз!» [3, с. 8]. В другом месте писатель констатирует: «Ничто не изумляет немцев так сильно, как шум, производимый французами» [3, с. 9]. В одном из немецких городов живость и нетерпеливость рассказчика сыграли с ним дурную шутку: его приняли за пьяного. Мотив пьянства здесь, как часто в романтической литературе, — дериват страсти.

Французской живости, страстности, нетерпеливости Бальзак противопоставил тяжеловес-

ную неторопливость и основательность немцев. «Флегма немцев поистине великолепна», — иронично замечает рассказчик [3, с. 8]. «Немецкие экипажи — прямая противоположность русским: они по неспешности могут соперничать с улитками, — впрочем, по мнению немцев, экипажи эти движутся с ошеломительной быстротой» [3, с. 6]. Из Германии в Краков пассажиров вез «издыхающий локомотив», уступавший в скорости бордоской почтовой карете. Чтобы в Германии занять место в почтовой карете, необходимо записываться заблаговременно. Чтобы получить багаж, необходимо выстоять огромную очередь. Рассказчик подробно описывает типы немецких дилижансов, называя их «экипажи-раки», «экипажи-улитки», и самые быстрые, по немецким меркам, экипажи экстренной почты, кажутся рассказчику-французу слишком медленными. Рассказ о том, как, желая пересечь из одной кареты в другую, он вынужден был в поисках своего чемодана в течение часа рыться среди багажа, загромождающего три императора, рассказчик завершает следующими словами: «Во Франции подобные происшествия произвели бы целую революцию. Французы бы не замедлили взбунтоваться. А что сделали немцы? Набив трубки и закурив, они с улыбкой наблюдали за нашими бессмысленными манипуляциями» [3, с. 8].

Однако Бальзак не ограничивается сравнением национальных характеров. Он сопоставляет и общественные порядки в разных странах, и в результате оказывается, что на фоне говора французского парламента и циничной власти прессы российское самодержавие не выглядит столь уж одиозным, на фоне взяточничества и хамства немецких чиновников и таможенников российское взяточничество и произвол чиновников не столь исключительны. В Германии путешественников, желающих увеличить скорость своего передвижения по стране, «грабят особенно лихо» [3, с. 7]. На фоне постоянного польского раздора и неурядиц монархическая Россия — цитадель порядка, сплочённости и силы. «Одним словом, хоть я и не русский, у меня, в отличие от всех прочих европейцев, посещающих Россию, нет ни малейшего желания осуждать её так называемый деспотизм», — заключает Бальзак [3, с. 3].

Бальзак прямо сопоставляет русских с поляками и французами. «Эта русская покорность особенно поражает того, кто знаком с решительной неспособностью к повиновению, царящей во Франции. Покорность эта составляет главное различие между Россией и Польшей» [3, с. 16]. Мощь Российской империи, по мне-

нию французского автора, основана на послушании народа, и крепостное право — одно из необходимых условий этого послушания. Освобождение крестьян «привело бы в расстройство всю империю, зиждущуюся на послушании» [3, с. 19]. В подтверждение тезиса о дисциплине, послушании как залогом мощи Бальзак приводит исторические примеры (Древний Рим, варвары, завоевавшие Европу, Наполеон, сумевший на какое-то время заставить французов повиноваться). Для Бальзака дух русского общества — в послушании. «Покорствоваться, покорствоваться, несмотря ни на что, покорствоваться с опасностью для жизни, покорствоваться даже тогда, когда покорность бессмысленна и противоестественна» [3, с. 16]. Русские умеют быть послушными своему императору, и в этом их сила. Парадокс состоит в том, что покорность из недостатка превращается в достоинство и залог мощи Российской империи. «...Если когда-нибудь Россия завоюет мир, она будет обязана этим исключительно покорности её обитателей. Мне не составит труда показать, что русские созданы для того, чтобы покорять другие народы, и в этом им нет равных» [3, с. 17].

Бальзак считал, что Польша обречена в противостоянии с Россией, причём обречена именно потому, что «поляк повиноваться не способен» [3, с. 17]. Причиной ослабления Польши, да и Франции, французский реалист считал индивидуализм. «...Умные люди не могут не скорбеть о духе неповиновения, царящем сегодня в нашей стране, — сообщает Бальзак. — Точно так же, как и поляки, французы всё подвергают обсуждению, всё отрицают и страдают великой непоследовательностью в мыслях; каждый француз желает стать существом высшего порядка, <...> каждый создаёт собственную систему, чтобы иметь повод для мятежа. Перемены в нашем национальном характере настораживают, ибо они грозят нам теми несчастьями, что обрушились на Польшу» [3, с. 17]. Титанической разобщённости французов под знаком буржуазного индивидуализма Бальзак противопоставил титаническую сплочённость русских под властью императора. Страстность русского характера усмирится самодержавием.

Самодержавие для Бальзака, в отличие от многих его предшественников, писавших о России, отнюдь не является признаком или проявлением варварства русских. Там, где, по словам Бальзака, «французы увидят <...> одно лишь варварство» [3, с. 18], он усмотрел великие уроки истории. «Покорность — та хартия, в согласии с которой существует Россия», — пишет он, и, как можно понять из контекста,

великий писатель был не против, чтобы и Франция присоединилась к этой хартии [3, с. 18].

Бальзак утверждал, что одной из причин (помимо любви к Ганской), побудивших его отправиться в Россию, было желание познакомиться с российской экзотикой. «Я слышал о степях, крестьянах, управляющих, метелях, евреях, союзе цивилизации с варварством, рассказы столь фантастические, что Украина стала казаться мне единственным местом в мире, где я смогу увидеть людей по-настоящему новых, вещи поистине небывалые» [3, с. 5]. Бальзак, действительно, познакомил соотечественников с той экзотической частью Российской империи, о которой писали мало, — Польшей, Украиной. Однако оправдались ли ожидания писателя? По-видимому, нет. В «Письме о Киеве» Бальзак описывает отнюдь не экзотику, а однообразие русских равнин, российских таможенников и чиновников, евреев-«червей», вороватых кучеров, такие признаки российской нецивилизованности, как плохие дороги, грязные гостиницы, почтовые станции и т.п. «Камеры наших тюрем выглядят гораздо более привлекательно, чем комнаты в лучшей гостинице Брод, именуемой „Россия“» [3, с. 12]. Пожалуй, единственное, что удовлетворило воображение романиста — огромные размеры Российской империи, где «у всего исполинская величина» [3, с. 18].

Бальзак увидел в России два разных мира. Один — мир образованных русских, представителей просвещённых, европеизированных классов и сословий русского общества. Это и брат русского консула в Кракове, который становится попутчиком Бальзака и обходится с ним в высшей степени предупредительно, и русский консул в польском городе Броды, к которому рассказчик обратился с просьбой и который «оказался человеком в высшей степени любезным, как почти все русские чиновники за границей» [3, с. 13], и начальник российской таможни г-н Гаккель, чиновник «с лицом приятным и умным, похожий на француза из хорошего общества», прекрасно, без малейшего акцента говорящий по-французски и проявивший по отношению к Бальзаку чрезвычайную учтивость.

Совершенно иным миром предстает в изображении Бальзака мир русского крестьянства. Как и Ж. де Сталь, писатель удивляется ловкости и необычайной физической силе русских крестьян, их неприветливости в быту, но вместе с тем его отношение к крестьянам гораздо более критичное. Бальзак не скрывает своего отношения к крестьянам как к «варварам». «Характер здешних крестьян исчерпывается двумя

словами: варварское невежество...» [3, с. 19]. Он пишет о повсеместном пьянстве в этой среде. «Свободу крестьяне поймут исключительно как возможность напиваться до бесчувствия» [3, с. 19]. «Разговоры о свободе они, точь-в-точь как негры, понимают в том смысле, что им больше не придется работать» [3, с. 19]. Отметим, впрочем, что подобное же отношение Бальзак демонстрирует и к французскому крестьянству в романе «Крестьяне», в котором показаны черты нравственного и физического вырождения.

Неприветливость крестьянской жизни трактуется Бальзаком как одна из важнейших предпосылок возможной российской экспансии на Запад. «Вся эта империя по слову царя может двинуться на Запад; сожалеть ей будет не о чем» [3, с. 20].

Хотя Бальзак и посмеивается над своими соотечественниками за то, что те всё нефранцузское привыкли считать варварским, однако сам он, хотя и не доходит до таких крайностей, абсолютно убеждён в превосходстве всего французского. Показателен в этом отношении мотив «немоты», проходящий через всю книгу. Рассказчик постоянно акцентирует своё незнание никаких языков, кроме французского. Он также тщательно фиксирует степень знания французского языка иностранцами, с которыми ему довелось встретиться в своем путешествии. Так, выясняется, что кельнские таможенники не сильны во французском, зато рассказчик с удовольствием отмечает, что его русские попутчики и начальник российской таможни в польском городке Радзивиле г-н Гаккель прекрасно говорят по-французски. Французский язык становится своеобразным дипломатическим паспортом, знаком избранности, особого статуса его носителя или цивилизованности всякого, для кого он не является родным, но кто хорошо говорит на нём. Владение французским языком подаётся как критерий цивилизованности.

Следует отметить, что под внешней шутовской, непосредственностью интонации, имитирующей стиль дружеского письма, в «Письме о Киеве» скрывается глубина мысли и масштабность обобщений писателя-реалиста, внимательного наблюдателя нравов, тонкого аналитика, «секретаря общества». «В тот день, когда мы смирились с ролью безвестно великих скромных людей, Франция будет спасена», — напишет позже Бальзак [4, с. 215].

Выводы. В свете последних событий, происходящих в мире, обострения отношений между Россией и Украиной, Россией, ЕС и Америкой сведения, изложенные в данной статье, пред-

ставляются не только актуальными, но и остро необходимыми для школьного учителя, преподающего новый гражданоформирующий курс «Россия в мире», главная цель которого – помочь ученикам объективно разобраться в сложившейся ситуации, понять, в чём величие и какова роль России в стабилизации современного мира.

«Письмо о Киеве» – плод раздумий Бальзака не только и не столько о России, сколько о современной Франции и Европе. Бальзаковское предостережение, обращённое к французскому читателю, может быть прочитано не только как констатация угрозы, исходящей от самодержавной, мощной, сплочённой духом послушания Российской империи, но и как диагноз, поставленный великим писателем фран-

цузскому обществу, подточенному индивидуализмом, одержимому жаждой наслаждений и страстей, разобщённому, суетному, нетерпеливому. Значительный вклад в создание более развёрнутой, подробной, конкретизированной картины российской жизни внесли путевые записки разных французских авторов XIX в., одним из них был и О. де Бальзак. Основываясь на личных впечатлениях, Бальзак создал более объёмный образ России. Бальзаковские записки существенно расширили горизонт описания чужой страны (география и топография, быт и нравы различных слоёв российского общества, религия, архитектура и др.). В его «Письме о Киеве» Россия выступает уже не фоном, условной декорацией, но объектом специального наблюдения и изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бальзак О. де. Кузина Бетта // Собрание сочинений : в 10 т. / О. де Бальзак. – М., 1985. – Т. 7.
2. Бальзак О. де. Отец Горио / О. де Бальзак // Избранные произведения. – М., 1949.
3. Бальзак О. де. Письмо о Киеве / О. де Бальзак // Приложение к журналу «Пинакотекa». – 2000. – № 13–14. – М., 2000.
4. Сиприо П. Бальзак без маски / П. Сиприо. – М., 2003.
5. Balzac H. de. Lettres a Madame Hanska / H. de Balzac. – P., 1971. – Т. 4.

REFERENCES

1. Balzac A. de. Kusina Betta [Cousin Bette] // Sobraniye sothinenii: v 10 t. – M., 1985. – Т. 7.
2. Balzac A. de. Otets Gorio [Father Goriot] // Izbranniye proizvedeniya. – M., 1949.
3. Balzac A. de. Pismo o Kieve [Letter of Kiev] // Prilozeniye k zyrnaly «Pinakoteka». – 2000. – № 13–14. – M., 2000.
4. Siprio P. Balzac bez maski [Balzac without a mask]. – M., 2003.
5. Balzac A. de. Lettres a Madame Hanska [Letters to Madame Hanska]. – P., 1971. – Т. 4.

Features of Slavonic and European national character in «the Letter of Kiev» O. de Balzac: materials for the study of the new school of educational discipline «Russia in the world».

Oshchepkov Alexey Romanovich, Doctor of Science (Philology), Associate Professor of Literature, Moscow State Linguistic University, Russia, e-mail: ale78487000@yandex.ru.

The article presents a methodological recommendations for study within the discipline “Russia in the world” features of the formation of the image of Russia on the example of the creativity of one of the most famous French realists of the nineteenth century O. de Balzac. In a little-known essay “Letter of Kiev” the writer analyzes the main thing that unites Slavic and European peoples and what specific mental traits they differ.

Keywords: discipline “Russia in the world”, guidelines, the image of Russia, national character, Slavs and Europeans, the concept of titanism, Russian “barbarism”.

Ощепков О. Р. Особливості слов'янського та європейського національного характеру в «Листі про Київ» О. де Бальзака: матеріали до вивчення нової шкільної дисципліни «Росія у світі».

У статті представлені методичні рекомендації щодо вивчення в рамках дисципліни «Росія у світі» особливостей формування образу Росії на прикладі творчості одного з найвідоміших французьких реалістів XIX століття О. де Бальзака. В маловідомому творі «Лист про Київ» письменник аналізує, що об'єднує слов'янські та європейські народи і якими специфічними ментальними рисами вони відрізняються.

Ключові слова: дисципліна «Росія в світі», методичні рекомендації, образ Росії, національний характер, слов'яни і європейці, концепція титанізму, російське «варварство».